

УДК 140.8 + 157.910.3

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭВОЛЮЦИИ
ПРАВОВОЙ НОРМЫ В РОССИИ ДО РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 1917 ГОДА***В. М. Золотухин, Е. В. Степанцова***SOCIALLY-PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF EVOLUTION OF THE RULE OF LAW
IN RUSSIA BEFORE REVOLUTIONARY CHANGES OF 1917***V. M. Zolotuhin, E. V. Stepantsova*

В статье рассматривается эволюция правовой нормы в российском правовом пространстве. Социально-философская интерпретация правовой нормы в соотношении с понятием закона и его применением в реальности в зависимости от социально-политических процессов.

In article evolution of the rule of law in the Russian legal space is considered. Socially-philosophical interpretation of the rule of law in the ratio with concept of the law and its application of a reality depending on sociopolitical processes.

Ключевые слова: правовая норма, закон, истина, позитивное право.

Keywords: the rule of law, the law, true, positive law.

Исследование социально-политических процессов должно опираться на исторические факты. Но не все факты истории могут сохраниться и дойти до наших времен. Изучение источников и норм права в историческом разрезе дает богатый материал для формирования и развития социально-политической мысли России. История права опирается на закон, а он чаще всего доходит до последующих поколений, хотя бы и не в первоисточнике [8, с. 5]. Также как юридическая наука во многом обязана гуманистам, так и социально-политическая мысль и процессы опираются на нормы права. Содержание норм права часто рассматривалось с точек зрения различных социально-гуманитарных наук, поскольку норма права имеет важное информационное значение. Законы позволяют судить о различных сторонах общественной жизни. По мнению Н. Н. Алексеева, очень часто происходит отождествление правового идеала с идеалом социальным и политическим [1, с. 201].

Правовые нормы играют немаловажную роль в развитии и формировании общества. Закон же, по словам Фомы Аквинского, есть известное правило и мерило действий, которым кто-либо побуждается к действию или воздерживается от него. Сущность его заключается в упорядочении человеческой жизни и деятельности. Развитие нормативно-правовой системы не дает социально-политическим процессам находиться в состоянии застоя, в результате постоянно стимулируется их развитие, а также углубляются и расширяются учения об обществе, государстве, политике, праве.

По словам Л. С. Мамута в истории политико-юридической мысли есть периоды подъемов и спадов, есть попятные движения и зигзаги, но нет (и не может быть) пауз, провалов и пустот [3, с. 14]. Правовая политика, как особая социальная деятельность, имеет двойственную природу. С одной стороны – это политика, основанная на праве; с другой – это право, как средство политического управления обществом. Правовая политика – это значительная часть политических отношений, связанная с распро-

странением действия норм права на различные сферы социальной жизни.

Развитие законов в период общественной эволюции России дает право считать, что уже в средневековом обществе существовала серьезная правовая культура, влияющая на формирование социально-политической мысли. Характерно, что такая мысль развивалась в условиях классового неравенства и борьбы, а также при значимом влиянии религиозных догм. Армянский мыслитель XIV – XV вв. Г. Татеваци подчеркивал, что большое значение в осуществлении политики централизованного феодального государства имеют соответствующие законы и четкое, неукоснительное их исполнение. С развитием общества законы государства должны пересматриваться и обновляться с целью справедливого регулирования социальных отношений [3, с. 115]. И этот процесс, пусть далеко и не идеальный, мы наблюдаем в развитии Древней, а затем средневековой Руси. Правовые нормы и социально-политическое развитие государства неразрывно связаны.

Социально-политическая и правовая идеология получили свое воплощение в памятниках древнерусской письменности. Первые сборники правовых норм на Руси именовались Правидами. В. Даль, исследуя значение слова "правда", утверждает, что в России "по первому коренному значению правдой зовется Судебник, Русская Правда, Правда Ярослава, Сборник узаконений, установлений. Правда – старое право судить, власть судить, карать и миловать: суд и расправа" [3, с. 192]. Но помимо юридического аспекта "правда" рассматривается также как то, что соответствует действительности; истина; порядок, основанный на справедливости, честности [6, с. 566]. Таким образом, термин "правда" содержит в себе и юридический компонент, а также философское и нравственное значение. Как утверждал Б. А. Кистяковский, в русском слове "правда" выражен синтез правды-истины с правдой-справедливостью, т. е. теоретически должного с практически должным [5, с. 125].

Значение Русской Правды, как сборника правовых норм, неопределимо для историков, изучающих период становления Древней Руси, как государства. По мнению Рыбакова летописцы, смотревшие на жизнь из окон монастырской кельи или княжеского дворца, не любили заносить на страницы летописи рассказы о мятежах и восстаниях; они считали своей задачей только повествование о битвах и храбрости воинов. Поэтому мы знаем очень мало о ходе классовой борьбы в эпоху раннего феодализма. Значительно полнее знакомит нас с социальными конфликтами и с размахом классовой борьбы Русская Правда. Особенно примечательны те периоды, в освещении которых сходятся и грозные нормы законов, и скупые слова летописцев [9, с. 437]. Автор не случайно называет нормы права грозными. Они и в прямом смысле слова были довольно жестокими, и в переносном, благодаря своей определенности, значимости, жесткости, невозможности свободной трактовки, прошли через века и предоставили богатый материал для исторических и социальных исследований.

Ранний феодализм, расцвет киевской государственности (XI – XII вв.) характеризуется достаточно развитыми правовыми и политическими институтами, а, следовательно, условиями для развития социальных процессов в обществе. Законодательный свод Ярослава Мудрого, "Слово о законе и благодати" митрополита Иллариона, распространение на Руси произведений античных философов (Платона, Аристотеля, Эпикура, Демосфена и др.), а также широкий круг общения с другими народами, по мнению Н. М. Золотухиной, в общей сумме обеспечили развитие общественного сознания в Киевской Руси раньше, чем в других соседствующих странах [3, с. 190 – 191].

Социальное и политическое положение человека в обществе в тот период уже рассматривалось в зависимости от развития правовых норм. Илларион в "Слове о законе и благодати", прежде всего, пытался разрешить соотношение закона и истины, как совокупности нравственных правил. Высокое нравственное состояние человека лежит в основе всеобщего блага, которое является целью социально-политических дебатов на протяжении всего развития общества. Закон и истина у Иллариона не противостоят друг другу – истина воспринимается человечеством благодаря закону, а не вопреки ему [3, с. 193]. Политическая программа Владимира Мономаха основывалась на учении о верховной власти и способах её осуществления, осуждении беззакония и неправды (судилища не по закону), неприятию смертной казни. Таким образом, социально-политическая мысль раннего феодализма опиралась на юридические принципы, всегда лежащие в основе составления норм права.

Средневековая Русь характеризуется боярско-княжеским соперничеством. Однако это соперничество придерживается некоторых норм и правил, а, следовательно, имеет правовую основу – программу, которая отражена в летописях. Сущность программы такова: князь управляет землей при участии

боярской думы, имеющей право veto; он заботится о правосудии, о соблюдении законности. Князь защищает землю от врагов, но не должен "ввергать нож" – начинать усобицы; важно соблюдение договоров. Хорош тот князь, который во всем советуется с боярами и заботится о многолюдности своей земли [9, с. 575]. Нельзя не признать принципы этой программы прогрессивными. Если оценить данную программу с точки зрения современности – это ни что иное, как конституционная программа демократического государства, а правовые нормы, которые лежат в её основе – это зачатки Основного закона государства.

Оценивая значимость обязательной письменной формы норм права, которая устанавливается в XIV – XV веках, Ю. Г. Алексеев отмечает, что "в этом (письменном) предпочтении заключён глубокий классовый смысл: обладателем такого письменного акта по большей части является феодал или, во всяком случае, представитель зажиточной части общества. ...Псковская Судная грамота по сравнению с Русской Правдой отражает новый этап развития русского феодализма – в этом её ценность как исторического и историко-правового источника" [8, с. 326]. Таким образом, формальная определенность нормы права сыграла свою роль в культурном развитии русского государства, а также получила свою основу в виде письменных источников.

Для развития русского (московского) государства XV – XVII веков, по мнению Краснова Ю. К., было характерно теоретически обосновывать государственную власть божественным происхождением, внешней независимостью, внутренней неограниченностью и наследственностью [6, с. 89]. Но, не смотря на формальную неограниченность власти, царь вынужден был подчиняться нормам, обычаям и правилам, чтобы обуздать многочисленные нарушения со стороны подчиненных властей. Норма права в этот период играет воспитательную и сдерживающую функцию, а также постепенно становится основой правовой системы России. Такой нормативно-правовой документ, как Соборное Уложение 1649 года оказал значительное влияние на социально-политическую жизнь общества, поскольку в нем регулировались уже не отдельные группы общественных отношений, а все стороны общественно-политической жизни того времени.

Многовековые усилия по накоплению юридических знаний привели в XIV – XVI вв. к выработке определенной суммы передовых социально-политических взглядов в обществе. Актуальной стала проблема церкви, как обладателя значительной собственности и диктатора нормативно-правовых устоев. Как уже отмечалось ранее, в этот период значительную мощь приобретает еретическое движение, которое бесспорно повлияет на пересмотр норм права, регулирующих социальные и политические устои в обществе. Требования еретиков ограничить социальные, политические, нормативно-творческие prerogatives церкви подрывали основу ее господства, а поэтому были гонимы духовным сообществом. Позднее и царская власть предпочла

объединиться с церковью, перейдя от поддержки еретиков к их преследованию. Несомненно, еретические идеи содержали серьезную угрозу не только церкви, но и основам феодального строя [3, с. 201].

Своеобразным продолжением еретических идей стало идеологическое течение социально-политической мысли, которое условно делилось на два направления: "стяжателей" и "нестяжателей". Условность деления, отмечает Н. М. Золотухина, была связана с тем, что оба направления ставили перед собой единую задачу: усовершенствование (организационное и нравственное) всей церковно-монастырской системы. Однако схемы наиболее совершенной модели и пути ее достижения предлагались различные, что и послужило причиной оформления двух идеологических платформ. Интерес для нашего исследования в полемике "стяжателей" и "нестяжателей" представляет пристальное внимание ее представителей к правовым вопросам.

Представители "нестяжательского" движения Нил Сорский и Вассиан Патрикеев ставили вопрос о нормативно-правовом разделении сфер деятельности церкви и государства, а также о принятии законов, защищающих интересы простого крестьянства. Прогрессивная по тем временам социально-политическая мысль, бесспорно, утверждала значимость норм права в реформировании общественной жизни.

Афонский философ Максим Грек, занимавшийся в России переводом богослужебных книг, большей частью сторонник «нестяжательной» формы церковной организации, первым вводит в политическую мысль идеи о получении царского престола выборным путем. Кроме того, он ставит вопрос о разработке нормативно-правовой базы, лежащей в основе законности занятия царского престола путем выборов и участия в этом процессе общественного мнения [3, с. 217]. Таким образом, любое социально-политическое новшество должно опираться на юридические нормы.

Основатель "стяжательской" ("иосифлянской") платформы Иосиф Волоцкий в своих трудах предпринимает попытку провести классификацию законодательства. В его схеме отсутствует распространенное в западной юридической культуре различие между законом божественным и законом государственным (положительным), поскольку за классификационный признак принимается только степень выражения божественной воли. Венценосная персона не должна злоупотреблять властью и обязана учитывать происхождение реальных, действующих норм права. Учение И. Волоцкого было значительным явлением в социально-политической мысли России, поскольку впервые была допущена возможность критики действующей царской власти и сопротивления ей в случае неправомерной ее реализации. Как отмечает Н. М. Золотухина, такая постановка вопроса была чрезвычайно плодотворна, поскольку она явилась той почвой, на которой впоследствии развивались демократические традиции в русской политической мысли, подвергавшие крити-

ке тиранические формы и методы реализации государственной власти [3, с. 209].

Вслед за Иосифом Псковский старец Филофей, автор теории "Москва – Третий Рим", также настаивал на необходимости ограничения власти нормами права, то есть действий правителя законом. По мнению А. И. Зимина, специфика русской абсолютной монархии состоит в том, что она в своей бесконтрольности породила и бесконтрольную бюрократию [4, с. 144]. А для бюрократии норма права – это способ достижения собственных благ или средство воздействия на членов общества с целью их подавления. Бюрократия не заинтересована в правовой грамотности общества.

Оценивая значимость нормативно-правовых норм в развитии социально-политической мысли России, нельзя не отметить взгляды князя А. М. Курбского. Политик и военный, он был небезразличен к системе организации государства, правовым категориям, системе судостроительства. По мнению Н. М. Золотухиной, Курбский развил и углубил критику организации суда и судопроизводства своих предшественников, а также добавил к ней критику законодательства. В его понимании ясно прослеживалось представление о равенстве права и справедливости. Только справедливое может быть названо правовым. Насилие – источник беззакония, а не права [3, с. 239]. Критика Курбским действующей, не достаточно справедливой нормативно-правовой базы, практики заочного осуждения, применения жестоких наказаний, попыток нормативным путем закрыть границы государства для свободного передвижения была, несомненно, прогрессивным шагом в развитии социально-политических процессов общества.

Следует отметить, что вышеупомянутые политико-правовые взгляды на роль юридических норм в формировании государства и общественной жизни, складывались в противовес политическим воззрениям действующей монархической власти и, в частности, теории царя Ивана IV (Грозного). Жестокий правитель признавал только единственное основание занятия царского престола – наследование, безграничную волю скипетродержателя в решении государственных вопросов и судеб людей, условное соблюдение правовых норм, которые он мог создать или изменить в любой момент исключительно по своему желанию. При таком контрастном соотношении идей, основанных на правде, праве, законности и ужасе, страхе, угрозе, социально-политическая мысль России укрепляла свои позиции в направлении нормативно-правового устройства государственной власти и общественной жизни.

Установление абсолютной монархии в России в XVIII веке сопровождалось широким вторжением государства во все сферы социально-политической и частной жизни. Правовая база, которую создает и на которую опирается государь, превосходит современное понимание нормы права, как регулятора именно правовых отношений. Контролируются даже малейшие проявления общественной и частной жизни: указы первой четверти XVIII в. предписыва-

ли населению, когда гасить свет, какие танцы танцевать на ассамблеях, в каких гробах хоронить, брить или не брить бороды и т. п. Государство с помощью правовых норм стремится регламентировать деятельность каждого сословия, социальной группы и каждого подданного. Одним из признаков абсолютизма, по утверждению И. А. Исаева, является "обилие писанных юридических актов, принимаемых по каждому поводу" [2, с. 115], что, несомненно, оказывало сдерживающее влияние на развитие социально-политической мысли России. Даже церковь в этот период теряет свою роль идеологической оппозиции государству – монарх становится юридическим главой церкви.

В первой половине XIX века абсолютизм в России достигает наивысшего расцвета. Монарх концентрирует всю власть в своих руках, но хорошо понимает, что для удержания власти необходима четкая, отлаженная, современная правовая база. "В то же время, стремясь сохранить контроль над обществом, царизм немало сделал для совершенствования государственного механизма управления и систематизации законодательства. Свод законов Российской империи – большое достижение юридической мысли XIX века" [6, с. 189]. В этот период завершилось выделение в самостоятельные отрасли уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права. Судебная реформа основывалась на принципиально новых нормах судостроительства и судопроизводства. Нормы гражданского права уделяли большое внимание правовому регулированию промышленности и торговли, расширяли права крестьян. Впервые появились нормы права, регламентирующие трудовые отношения.

Правовая система России в конце XIX века, сделав большой прорыв в предыдущие годы, становится устойчивой базой для развития социально-политических реформ и взглядов. Намечается необходимость существенного изменения в общественном и политическом строе. Не смотря на то, что Россия остается монархическим государством, развитие права, судебная реформа, более высокий уровень нормативно-правовой базы оказывают значительное влияние на демократизацию общественной и государственной жизни. В этот период закладываются организационные и правовые основы новой государственной системы. Самодержавная монархия трансформируется в монархию буржуазную, которая опирается на более прогрессивную нормативно-правовую базу. По мнению И. А. Зимина, к началу XX в. ряд российских мыслителей и ученых, в том числе Б. А. Кистяковский, В. В. Водовозов, Ю. Н. Вагнер и др., постепенно обращаются к научно-философскому идеализму и проявляют интерес к освободительному движению, которое осознается с

либерально-демократических позиций. Основу этих позиций составляют правовые вопросы и правовые отношения. Возникает своего рода синтез передовой социальной науки, политических либерально-освободительных вождений и научного осмысления правового фундамента их достижения. Все вместе это составило важную веху в развитии отечественной философии, социологии и правосознания [4, с. 140].

Стоит акцентировать внимание на том, что в до-революционный период в российском праве были актуализированы такие идеи как: идея правды и ее различные трактовки и смысл; идея свободы и ее понимание как воли и вольницы; идея соборности и ее воплощение в праве и правосознании; идея российской государственности и ее социально-политические предпосылки. Возникновение права и правовых норм обусловлено процессом развития общественных отношений, где требуется поиск и достижение консенсуса, а также разграничение интересов людей.

Литература

1. Алексеев, Н. Н. Основы философии права / Н. Н. Алексеев. – СПб.: Лань, 1999. – С. 201.
2. Исаев, И. А. История государства и права России: учебник / И. А. Исаев. – М.: Юрист, 1996. – С. 115.
3. История политических и правовых учений. Средние века и возрождение. / Л. С. Васильев, В. Г. Графский, Н. М. Золотухина и др. – М.: Наука, 1986. – С. 192 – 270.
4. Зимин, А. И. Философия и социология права (к вопросу об истоках русского социально-правового сознания и методологии социального познания) / А. И. Зимин // Социологические исследования. – 2000. – № 5. – С. 140.
5. Кистяковский, Б. А. Философия и социология права / Б. А. Кистяковский; сост., примеч., указ. В. В. Сапова. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999. – С. 125.
6. Краснов, Ю. К. История государства и права России: учебное пособие. – М.: Российское педагогическое агентство, 1997. – С. 189 – 209.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН.; Российский фонд культуры. – М.: АЗБ, 1996. – С. 566.
8. Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. – Т. I. Законодательство Древней Руси. – М.: Юридическая литература, 1984. – С. 5.
9. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1982. – С. 575.